

принимал участия. В последующий период бойцы батальона использовались на сельскохозяйственных работах. 21 сентября, после заключения советско-финляндского перемирия, подразделения батальона были выведены за линию новой границы, а приказ о его окончательном расформировании был отдан 10 октября.<sup>125</sup>

Другим подразделением финской армии, в составе которого служили ингерманландские выходцы, был «3-й Соплеменный батальон» (Неимораталйоона 3), который был сформирован в соответствии с приказом от 17 ноября 1942 г. из добровольцев из числа советских военнопленных, принадлежавших к финноязычным народностям. В батальоне насчитывалось 423 ингерманландца, 473 беломорских и олонечских карела, 101 тверской карел, 30 финляндских финнов, 24 вепса, один эстонец и 17 человек, национальность которых не установлена. В начале 1943 г. численность батальона составляла 990 человек.<sup>126</sup> Батальон с апреля-мая 1943 г. также дислоцировался на Карельском перешейке, где он в составе 15-й дивизии нес службу на линии фронта на участке Метсяпиртти — Лемболово.<sup>127</sup> В середине июля 1944 г., во время советского наступления, батальон также участвовал в оборонительных боях в районе Вуосалми и понес чувствительные потери — 30 человек убитыми, 208 ранеными и 18 пропавшими без вести.<sup>128</sup>

## **2. Перемещение ингерманландского населения во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.**

В сентябре 1944 г. в Москве начались переговоры о перемирии между СССР и Финляндией, и 19 числа договор о перемирии был подписан. Статья 10 перемирия предусматривала обязательство со стороны Финляндии «немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно уведенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на родину».<sup>129</sup> В Финляндию прибыла Союзная контрольная комиссия под предсе-

---

<sup>125</sup> Ibid. S. 169, 172, 176–178, 185, 203.

<sup>126</sup> Miettinen H. Op. cit. S. 186.

<sup>127</sup> Ibid. S. 192.

<sup>128</sup> Ibid. S. 195.

<sup>129</sup> Правда. 1944. 21 сентября.

дательством А.А. Жданова. Один из пунктов инструкции о деятельности комиссии гласил о том, что она должна «выявить имеющиеся лагеря для советских и союзных военнопленных и интернированных, а также места нахождения для насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан и всех беженцев. Установить национальность и государственную принадлежность указанных лиц, а также определить порядок и сроки их репатриации».<sup>130</sup> «Ингерманландский союз», наряду с другими эмигрантскими и националистическими организациями, после заключения советско-финляндского перемирия был распущен.<sup>131</sup> Вопрос о том, что делать с переселенными в Финляндию ингерманландцами, был впервые поднят на совещании контрольной комиссии 5 октября 1944 г. Член комиссии П.Н. Кубаткин выразил мнение, что большую часть их не следует возвращать, на что Жданов возразил: «Надо подумать, но вероятно придется брать. Сейчас у нас лишнего народа мало, народ требуется».<sup>132</sup>

Для решения общих вопросов репатриации советских граждан постановлением СНК СССР № 392/с от 4 октября 1944 г. была введена должность уполномоченного СНК по делам репатриации; этот пост занял генерал-полковник Ф. И. Голиков. 23 октября при нем было образовано управление.<sup>133</sup> 14 ноября сформированная управлением группа из 14 офицеров под руководством полковника Н. Филатова была направлена в Хельсинки для проведения мероприятий по репатриации советских граждан из Финляндии. До конца года группа была усилена 75 офицерами, выделенными Ленинградским военным округом.<sup>134</sup> Еще до приезда Филатова в Финляндию, в начале ноября, по радио и через прессу было распространено его объявление к советским гражданам, в котором, в частности, говорилось: «Граждане! Вас ждет родина, ждут колхозные поля, ждут ваши родные и знакомые. Вас ждет как своих истинных сынов и дочерей вся наша необъятная Родина в свою дружную советскую семью».<sup>135</sup> Члены группы Филатова работали во всех ленах Финляндии. За время своей работы группа выявила в Финляндии в общей слож-

---

<sup>130</sup> РГА СПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 37. Л. 12.

<sup>131</sup> Amburger E. Ingermanland. S. 675. В то же время «Объединение ингерманландцев» сумело избежать роспуска.

<sup>132</sup> Там же. Д. 39. Л. 30–31.

<sup>133</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1119. Л. 40, 118.

<sup>134</sup> Там же. Д. 1118. Л. 97.

<sup>135</sup> Там же. Д. 189. Л. 288–289.

ности 108 746 граждан СССР, как гражданских лиц, так и военнопленных.<sup>136</sup> 19 ноября 1944 г. Государственный комитет обороны СССР принял секретное постановление за № 6973 «О переселении из Финляндии населения ингерманландского происхождения, ранее проживавшего в Ленинградской области».<sup>137</sup> Советские эмиссары разъезжали по Финляндии, убеждая бывших сограждан добровольно вернуться на родину. Обязательному возвращению подлежали военнослужащие и дети-сироты в возрасте до 16 лет. Возвращение остальных считалось добровольным, хотя на некоторых из них оказывалось давление. Многие из ингерманландцев, впрочем, сами стремились к возвращению на родину, тем более что лишь меньшая часть переселенцев сумела устроиться в Финляндии на постоянную работу или приобрести собственный дом и земельный участок.

Соглашение между Союзной контрольной комиссией и Отделом по делам перемещенного населения в составе МВД Финляндии от 27 ноября 1944 г. определило порядок проведения мероприятий по репатриации советских граждан.<sup>138</sup> В соответствии с условиями достигнутого соглашения, финляндское правительство обязывалось обеспечить репатриантам вывоз всего имущества, оставляемые ими жилые дома и хозяйственные постройки компенсировать материалами или стандартными сборными домами, возместить им разницу между поголовьем скота, имевшимся у них до войны и имеющимся на данный момент, снабдить не имевших запасов продовольствия мукой из расчета 20 кг на человека, картофелем и овощами — по 30 кг. на человека, посевным материалом — по четыре центнера зерновых культур и по тонне картофеля на одно хозяйство. Недоимки по налогам и кредитам подлежали списанию.<sup>139</sup> Для сбора гражданских лиц и их подготовки к отправке на родину в Финляндии было организовано 23 сборных пункта. Передаточный пункт находился на станции Нурми на советской стороне новой границы.<sup>140</sup>

С 4 декабря 1944 до середины января 1945 г., как явствует из доклада уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова В.М. Молотову и А.Н. Косыгину от 20 января 1945 г.,

---

<sup>136</sup> Там же. Д.1118. Л. 98.

<sup>137</sup> Текст постановления помещен в приложении к главе.

<sup>138</sup> Tuuli E. Op. cit. S. 303.

<sup>139</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 105. Л. 21–22.

<sup>140</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 99.

из Финляндии в СССР проследовал 81 эшелон с репатриантами, который перевез 56 030 человека, в том числе 11 479 мужчин, 25 029 женщин и 19 522 ребенка до 16 лет, а также 4775 коров, 66 лошадей, 1312 голов мелкого скота, 7076 тонн груза. 61 человек был госпитализирован в Выборге, один человек умер в дороге, 213 детей-сирот были направлены в детские учреждения Ленинградской, Ярославской и Вологодской областей.<sup>141</sup> До марта 1946 г. были транспортированы еще 2382 человека.<sup>142</sup> Кампания по репатриации продолжалась и в дальнейшем, завершившись только в сентябре 1947 г. В 1946–1947 гг. в Советский Союз было перевезено еще более 100 человек. Всего на родину вернулись, согласно материалам Управления уполномоченного СНК по делам репатриации, 58 412 советских граждан, среди них 12 031 мужчина, 25 983 женщины и 20 983 ребенка до 16 лет.<sup>143</sup> Национальный состав возвращенцев был довольно пестрым. Большинство составляли ингерманландцы. Сведения о численности последних несколько разнятся, в литературе называются цифры, близкие к 55 тысяч человек.<sup>144</sup> В отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, датированном мартом 1946 г., численность репатриированных на тот момент ингерманландцев определена в 43 246 человек (а также 4705 «финнов», видимо, имелись в виду финны неингерманландского происхождения).<sup>145</sup> Такое расхождение вызвано, вероятно, тем обстоятельством, что в некоторых материалах под «ингерманландцами» подразумевались не только собственно ингерманландские финны, но и представители других прибалтийско-финских народностей: ижоры, карелы, вепсы, эстонцы, а также члены смешанных семей (которых было довольно много в Западной Ингрии), оказавшиеся в Финляндии в результате проведения переселенческих операций 1943–

---

<sup>141</sup> Там же. Л. 100; Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 69, 72.

<sup>142</sup> Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100.

<sup>143</sup> Там же; По данным финских источников, собранных П. Неваляйненом, число возвращенцев составило 56 869 советских граждан, из них 11 653 мужчины, 25 354 женщины и 19 862 ребенка (Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 296).

<sup>144</sup> Ibid. S. 297; Kulha K. Toinen maailmansota ja paluu rauhan kauteen. S. 402. Amburger E. Ingermanland. S. 653.

<sup>145</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 229. Число возвратившихся эстонцев определено в отчете в 12 231 человек, однако они возвращались не только из Финляндии.

1944 г.<sup>146</sup> Таким образом, большая часть ингерманландцев и других советских граждан, оказавшихся в годы войны в Финляндии, была репатрирована, лишь около 8 тысяч человек остались в Финляндии.<sup>147</sup> Из бесед возвращенцев с советскими представителями в Выборге явствовало, что многие молодые ингерманландцы остались в Финляндии потому, что боялись, что при возвращении их сразу мобилизуют в армию отправят на фронт.<sup>148</sup>

Некоторые из оставшихся в поисках более безопасного убежища начали перебираться в Швецию. Советская миссия в Стокгольме позднее утверждала, что сразу после подписания перемирия финские власти передали шведским большую группу советских граждан; речь шла о 161 бывшем военнопленном и 113 ингерманландцах.<sup>149</sup> В июне 1945 г. в Швеции насчитывалось около тысячи ингерманландцев, а в начале 1946 г. их число достигло 1553 человек, в том числе 277 детей (всего бывших жителей СССР в границах до 1940 г., включая ингерманландцев, в Швеции в 1945 г. насчитывалось около 4 тысяч человек).<sup>150</sup> Группа из 23 советских офицеров под руководством полполковника Рогозникова, командированная Управлением уполномоченного по делам репатриации, начала работать в Швеции с конца марта 1945 г.<sup>151</sup> Члены группы старательно разыскивали осевших в стране советских граждан, стремясь

---

<sup>146</sup> Свидетельством в пользу достоверности данных о численности репатриированных ингерманландцев в 43–44 тысячи человек является сообщение заместителя председателя Совета Министров А. В. Гриценко А. Н. Косыгину о том, что среди репатриированных из Финляндии около 10 тысяч человек имеют неингерманландское происхождение (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 96).

<sup>147</sup> В материалах Управления уполномоченного по делам репатриации число советских граждан, «задерживаемых» в Финляндии, к марту 1946 г. определялось в 7551 человек (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 225).

<sup>148</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп.1. Д. 7. Л. 127.

<sup>149</sup> Berge A. Flyktingpolitik i stormakts skugga. Sverige och de sovjetryska flyktingarna under andra världskriget. Uppsala, 1992. S. 57. Шведская сторона отрицала наличие какого-либо сговора между финскими и шведскими органами, однако расследование шведской полиции подтвердило, что осенью 1944 г. финны действительно проводили до шведской границы группу советских военнопленных, которые затем перешли в Швецию (Ibid. S. 58).

<sup>150</sup> Ibid. S. 33, 79.

<sup>151</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 25.

получить информацию не только о тех, кто проживал в лагерях для беженцев, но и о лицах, живших и работавших в частных хозяйствах. В своих розысках они могли рассчитывать на помощь шведских коммунистов и других просоветски настроенных левых, контроль же шведских властей за действиями членов советской миссии был достаточно слабым. Чтобы убедить сограждан вернуться на родину, советские представители пускали в дело как уговоры, так и угрозы. Одним из средств давления на соотечественников была угроза, что Советский Союз прекратит выделять средства на содержание лагерей беженцев, и тогда Швеция, не желающая их финансировать, сама вышлет беженцев из страны, при этом скрывался тот факт, что в действительности лагерь целиком и полностью находились на содержании Шведского государства.<sup>152</sup> В течение весны удалось тем или иным путем склонить к возвращению в Советский Союз около 2 тысяч советских граждан, в том числе 129 ингерманландцев.<sup>153</sup> Всего же с конца марта 1945 по март 1946 гг. из Швеции репатриировалось 3219 советских граждан, из них 2158 бывших военнопленных (главным образом тех, кто в 1941–1943 гг. сумел бежать в Швецию из лагерей военнопленных на территории оккупированной немцами Норвегии) и 1061 гражданское лицо.<sup>154</sup> Остальные предпочитали остаться.<sup>155</sup>

В Швеции не всем ингерманландским беженцам на первых порах была гарантирована спокойная жизнь. Советское руководство критически относилось к политике шведского руководства в отношении беженцев. Особо резкое недовольство Москвы вызывал тот факт, что в Швеции нашло убежище немало выходцев из бывших стран Прибалтики, в первую очередь из Эстонии (более 20 тысяч человек, не считая нескольких тысяч этнических шведов, проживавших в Эстонии до войны). Советские представители стремились получить полную информацию о лагерях советских беженцев в Швеции и держать эти лагеря под своим контролем. Ингерманландцам нередко удавалось поселиться за пределами этих лагерей, однако имена и

---

<sup>152</sup> Hammarström U. Ingermanländarna som flydde till Sverige: En minnesberättelse. Västerås, 1985. S. 29.

<sup>153</sup> Berge A. Op. cit. S. 70–71.

<sup>154</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 105.

<sup>155</sup> По наблюдениям шведских официальных лиц, наименьшую склонность к возвращению выказывали молодые люди до 30 лет (Hammarström U. Op. cit. S. 30).

адреса некоторых из них были до весны 1945 г. сообщены советской миссии. Именно для этой группы лиц перспектива репатриации была особенно реальна. В отношении других, о которых миссии не было известно, шведская Иностранная комиссия (Utlänningskommissionen) приняла решение, что никто из них не будет выслан из страны против их воли.<sup>156</sup> Проблема ингерманландских беженцев рассматривалась и на заседании шведского правительства 26 сентября 1945 г. Министр иностранных дел Э. Унден предложил позволить остаться в Швеции тем из ингерманландцев, которые «дезертировали из советской армии или приняли активное участие в политической или военной деятельности, направленной против Советского Союза», то есть тем, которым, вероятнее всего, грозили репрессии в случае их репатриации в СССР. Остальных, по истечении срока действия их разрешений на пребывание в стране, следовало отправить обратно в Финляндию (таковых в начале 1946 г. насчитывалось около 500 человек).<sup>157</sup> Этот вопрос вызвал споры, его решение затянулось до июня 1946 г., когда было решено позволить остаться в стране всем желающим.<sup>158</sup> Положение ингерманландцев, осевших в Швеции, облегчалось благодаря тому обстоятельству, что советским властям они не внушали такого большого беспокойства, как прибалтийские беженцы, и в отношении их выдачи советские представители не проявляли особой настойчивости. Случаи репатриации ингерманландцев из Швеции в СССР действительно имели место, однако они, скорее всего, носили добровольный характер и были немногочисленны.<sup>159</sup>

---

<sup>156</sup> Berge A. *Op. cit.* S. 76.

<sup>157</sup> *Ibid.* S.77, 79.

<sup>158</sup> *Ibid.* S.83. По мнению автора воспоминаний об событиях 1944–1946 гг., связанных с переселением ингерманландцев в Швецию, капитана У. Хаммарстрёма, определенное влияние на отношение шведских властей к ингерманландской проблеме оказала инициативная им и кистером церкви в Омстеле близ Умео Ф. Дальбеком рассылка писем ингерманландцев, в которой они рассказывали о своей судьбе в предвоенные и военные годы в Советском Союзе (Hammarström U. *Op. cit.* S. 42).

<sup>159</sup> Автору удалось обнаружить несколько таких случаев: восемь ингерманландских семей (21 человек) репатриировались из Швеции в июне 1945 г. (ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 189. Л. 38); в списке советских граждан, выехавших из Швеции 16 октября того же года, значится эстонка из Волосовского района и две финки, мать и дочь,

Помимо гражданских перемещенных лиц, в Советский Союз из Финляндии были возвращены военнопленные и интернированные военнослужащие. По данным Управления уполномоченного по делам репатриации, до начала марта 1946 г. были транспортированы 42 783 бывших военнопленных.<sup>160</sup> Возвращение небольших групп военнопленных и интернированных продолжалось до конца 1953 г., всего в СССР было возвращено 46 344 человек (44 319 военнопленных и 2025 интернированных).<sup>161</sup> Советская контрольная комиссия настойчиво добивалась от финской стороны выдачи советских граждан, служивших в рядах финской армии, преимущественно в составе 6-го Отдельного батальона и 3-го Соплеменного батальона. Процесс передачи советской стороне таких военнослужащих начался летом 1945 г. и завершился к концу 1953 г.<sup>162</sup> К этому времени в СССР были возвращены соответственно 654 и 187 бойцов 3-го Соплеменного батальона и 6-го Отдельного батальона (283 бывших служащих последнего возвратились в числе мирных граждан). Более 900 бывших военнопленных и добровольцев уклонились от возвращения в Советский Союз. Из них около 400 человек (около 100 военнопленных и около 300 добровольцев, в том числе 172 из 3-го батальона) перебрались в Швецию, в Финляндии к концу 1953 г. оставались примерно 100 бывших военнопленных и 58 добровольцев.<sup>163</sup> О судьбе остальных точных сведений нет. В общей сложности, таким образом, с конца 1944 г. до марта 1946 г. из Финляндии в СССР были добровольно или

---

из Гатчинского района (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 83. Л. 170); один человек приехал в конце 1950 г. или начале 1951 г. (ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 19. Л. 7).

<sup>160</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100. Финнов среди них, по данным управления, было 583 человека (Там же. Л. 228). По данным финских источников на осень 1942 г., среди советских военнопленных насчитывалось 887 ингерманландцев, примерно половина которых поступила на службу в 3-й Соплеменный батальон (Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 100).

<sup>161</sup> Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 304, 310.

<sup>162</sup> Первый состав с бывшими бойцами 3-го батальона двинулся в Россию еще 3 ноября 1944 г., однако большая часть из 644 человек бежала по дороге, выпрыгнув в открытые двери и окна вагонов (Miettinen H. Op. cit. S. 198).

<sup>163</sup> Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. S. 310–311.



принудительно возвращены 101 195 советских граждан, до середины 1950-х гг. к ним добавились еще несколько сот человек.<sup>164</sup>

Ингерманландцы, поверившие обещаниям, что им будет предоставлено право поселиться в родных местах, везли с собой все свое накопленное в Финляндии имущество. Однако упомянутое постановление ГКО от 19 ноября не предусматривало возвращение ингерманландцев в Ленинградскую область. Из Выборга реэмигрантов направляли, как и было предусмотрено в постановлении, на поселение в Великолукскую, Псковскую, Новгородскую, Калининскую и Ярославскую области, то есть в районы, пострадавшие от военных действий или немецкой оккупации. Возвращенцы узнавали о том, что их ждет, только в Выборге. Некоторые из них довольно откровенно выражали свое недовольство по этому поводу. Так, в одном из эшелонов, как докладывал офицер-агитатор, «многие женщины, особенно из Кингисеппского района с Сойкинского полуострова, плакали, говоря, что их обманули в Финляндии, там советский старший лейтенант говорил им, что они поедут домой».<sup>165</sup> К. Павлов, также из Кингисеппского района, говорил: «Нас везут туда в Ярославль на вечное рабство. Лучше повеситься, чем жить там».<sup>166</sup> По данным на 25 мая 1945 г., в перечисленных областях были расселены 55 942 человека (17 224 семьи), в том числе:<sup>167</sup>

области	семей	всего человек	мужчин	женщин	детей
Великолукская	1796	5577	1218	2536	1823
Калининская	4393	14158	2896	6271	4991
Новгородская	3147	10 513	2233	4919	3361
Псковская	6043	6335	1309	2833	2193
Ярославская		19 359	3924	8726	6518

Имеются данные и о национальном составе расселенных. Управление уполномоченного по делам репатриации на 18 января 1945 г. располагало следующими данными:<sup>168</sup>

<sup>164</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100. На 1 января 1945 г. 23 955 репатриантов из Финляндии находились в проверочных спецлагерях НКВД (Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 30).

<sup>165</sup> ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.

<sup>166</sup> Там же. Л. 9.

<sup>167</sup> Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.

<sup>168</sup> Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 332. Среди поселенных в Великолукской области оказался даже один норвежец, в Новгородской — пять немцев.

	ингерманландцы	русские	ижоры	карелы	вепсы	эстонцы	другие
Великолукская	3922	651	719	170	106	18	16
Калининская	12516	959	371	108	8	36	106
Новгородская	8955	958	488	69	22	51	28
Псковская	5650	555	105	29		17	13
Ярославская	16227	1417	1336	195	16	50	29

В Новгородской области среди репатриантов из Финляндии, по более поздним данным — на май 1945 г., было 8962 финна, 352 ижора, 1073 русских, 41 карел, 31 вепс, 68 эстонцев, восемь татар, пять украинцев, один белорус.<sup>169</sup> В числе поселенных в Калининской области тогда же насчитывалось 9266 ингерманландцев, 2429 ижор, эстонцев и карел, 2463 русских.<sup>170</sup> Среди репатриантов преобладали жители Кингисеппского, Ораниенбаумского, Волосовского, Гатчинского районов Ленинградской области, то есть Центральной и Западной Ингрии, меньше было уроженцев Красносельского, Павловского, Госненского, Мгинского районов, но были и лица из Карело-Финской ССР и из других областей и республик.<sup>171</sup> Немало было членов смешанных финско-русских семей. Лица, служившие или подозреваемые в службе в рядах финской армии, арестовывались и получали от 10 до 15 лет лагерей. Были и случаи расстрельных приговоров: так, 10 мая 1945 г. трибунал 23 армии Ленинградского фронта приговорил к расстрелу троих бойцов 3-го батальона.<sup>172</sup> Советские спецслужбы продолжали розыск таких людей в Финляндии даже в 1950-е гг., последний бывший военнотрудовой финской армии из числа советских граждан был выдан советской стороне в январе 1955 г.<sup>173</sup>

На новых местах репатрианты из Финляндии были поселены в основном в сельской местности. Некоторым семьям были предоставлены отдельные дома, другие были поселены в общежитиях или «в порядке уплотнения в малосемейных домах кол-

<sup>169</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

<sup>170</sup> Бугай Н.Ф. Ингерманландцы: под грифом «секретно» // Север. 1992. № 3. С. 124.

<sup>171</sup> К примеру, в Калининской области в 1946 г. получили разрешение на возвращение на родину 12 татарских семей из Казани, два человека из Мурманской области и др. (ГАТО. Ф. Р-2275. Оп. 1. Д. 66. Л. 3; Д. 68. Л. 59 об.).

<sup>172</sup> Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 311.

<sup>173</sup> Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 286.

хозников». Трудоустроены ингерманландцы были главным образом в сельском хозяйстве: к примеру, в Калининской области 6642 человека были устроены на работу в колхозах, 881 — в промышленности, 369 — в других организациях, в Ярославской области 6707 человек работали в колхозах, 110 — в совхозах и МТС, 404 — на промышленных предприятиях, 175 — в других учреждениях и т. д.<sup>174</sup> Работая преимущественно в колхозах, ингерманландцы в то же время в члены колхозов вступали крайне неохотно. Многие жили в крайне неудовлетворительных условиях и испытывали сильную нужду. Одна из репатрианток, А. Саволайнен, вспоминала: «Мы попали в Великие Луки. Одну зиму жили в землянке — почти в погребе. Затем нам дали в Нелидовском районе русскую деревенскую избу, где жили вместе 2–3 семьи».<sup>175</sup> Семья дяди В. Куокканена оказалась на глухом полустанке в Ростовском районе Ярославской области, где единственным средством передвижения были повозки, запряженные быками.<sup>176</sup> Должностные лица Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР, проводившие в апреле 1945 г. проверку в Великолукской области, отмечали: «Переселенцы в ряде случаев живут в антисанитарных условиях. В квартирах и общежитиях большая скученность, нары в два этажа и между нарами узкий проход. У многих нет столов, скамеек — на нарах и спят, и картошку чистят, и едят. Некоторые семьи задыхаются в дыму, печи развалены. В большинстве домов, где расселены переселенцы, требуется ремонт — штукатурка, побелка, вставка вторых рам и стекол».<sup>177</sup> Группа ингерманландских репатриантов в Новгородской области в августе 1945 г. отправила письмо в адрес ЦК партии, в котором говорилось: «Мы приехали 19 января 1945 г. и что было одежды, обуви — все уже проели, на заработок нам не хватает кормиться, так как у многих имеется по 5–6 человек детей, а заработок 100–150 рублей в месяц, хлеба для иждивенцев получают 150 грамм на день, на рабочего 500 грамм и что есть еще из сухих продуктов. Пойдешь получать в магазин, так все нас ругают и ненавидят...».<sup>178</sup>

Надо заметить, что определенная государственная помощь поселенцам все же оказывалась. В Великолукской области 308

---

<sup>174</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 185, 192.

<sup>175</sup> Саволайнен А. Указ. соч. С. 86.

<sup>176</sup> Куокканен В. Указ. соч. С. 60.

<sup>177</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

<sup>178</sup> Там же. Д. 8. Л. 202.

семьям реэмигрантов было кредитовано 42 535 рублей, особо нуждающимся помогали зерном, в порядке помощи от колхозов было получено 8856 кг. хлеба, 135 136 кг сена, 469 кг овощей, 45 473 кг картофеля, 300 кг мяса и жиров.<sup>179</sup> В Новгородской области переселенцам была оказана помощь деньгами на 107 800 рублей, хлебом — 229 600 кг, сеном — 106 000 кг, нарезано 1656 приусадебных участков.<sup>180</sup> В Псковской области всем переселенцам с момента вселения до 1 мая 1945 г. было выдано хлеба в среднем по 25-30 кг на человека, 395 особо нуждающимся была оказана денежная помощь на сумму 68 809 рублей.<sup>181</sup> В Ярославской области семьи репатриантов были обеспечены приусадебными участками, 2430 семей проживали в отдельных домах; в течение 1945 г. репатриантам была оказана помощь зерном в размере 645 тонн, картофелем и овощами — 900 тонн, мясом — 130 тонн, выдано единовременное денежное пособие в 182 175 рублей.<sup>182</sup> В Калининской области в 1946 г. 677 семьям было выдано единовременное пособие на 57 800 рублей, 250 семей получили помощь хлебом (11 631 кг) и картофелем (735 кг), 197 семей — промышленными товарами.<sup>183</sup> Встречающиеся в литературе утверждения о том, что у ингерманландских репатриантов полностью конфисковали весь скот, который они нажили в Финляндии, не вполне точны. К примеру, в Новгородскую область в эшелонах вместе с репатрированными из Финляндии были доставлены 19 лошадей, 864 коровы, 173 овцы, 12 коз, семь свиней,<sup>184</sup> в Псковскую область было привезено 7 лошадей, 465 коров, 99 голов мелкого скота,<sup>185</sup> в Великолукскую — 13 лошадей, 372 коровы, 78 овец, две свиньи, 28 кроликов, 20 голов домашней птицы,<sup>186</sup> в Ярославскую область репатрианты привезли с собой 1702 головы крупного рогатого скота и 494 — мелкого, а в 1945—1946 гг. за счет банковских ссуд они сумели приобрести крупного рогатого и мелкого скота соответственно 1473 и 918 голов.<sup>187</sup> Переселенче-

---

<sup>179</sup> Там же. Д. 4. Л. 6—7.

<sup>180</sup> Там же. Д. 8. Л. 161.

<sup>181</sup> Там же. Л. 124.

<sup>182</sup> ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 187. Л. 1.

<sup>183</sup> ГАТО. Ф. Р-2275. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

<sup>184</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

<sup>185</sup> ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

<sup>186</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

<sup>187</sup> ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 187. Л. 6, 22.

ское управление при СНК РСФСР поставило перед начальниками областных переселенческих отделов задачу до конца 1946 г. завершить хозяйственное обустройство ингерманландских переселенцев, обеспечить каждую семью жилым домом с надворной постройкой и приусадебным участком.<sup>188</sup>

Помощь, однако, не всегда оказывалась удовлетворительно, распределение средств плохо контролировалось. Так, проверкой в ряде районов Ярославской области было установлено, что «после размещения... дальнейшая помощь не оказывается, за исключением отдельными колхозами, которые выдают грубые корма и, в исключительных случаях, выдается молоко для многодетных семей... Райисполкомы совершенно не оказывают помощь переселенцам в приобретении скота, домашней птицы, домашнего инвентаря».<sup>189</sup> В Калининской области отмечалось, что «местные районные организации не всегда своевременно доводят до переселенцев выделенные средства».<sup>190</sup> В постановлении СНК РСФСР «О трудовом и хозяйственном устройстве граждан ингерманландского происхождения», принятом в июне 1946 г., констатировалось: «Облисполкомы неудовлетворительно выполняют постановление Государственного Комитета Обороны в части трудового и хозяйственного устройства переселенцев, при недостатке рабочей силы в этих областях продолжают оставаться неустроенными на работу более 4 тысяч трудоспособных граждан. В члены колхозов вовлечены лишь 3753 семьи (около 25 %)... Облисполкомы и райисполкомы... неудовлетворительно проводят работу по оказанию помощи переселенцам в строительстве, приобретении, ремонте жилых домов и хозяйственных построек, поэтому в порядке уплотнения в частных домах, общежитиях и землянках продолжают оставаться расселенными 8051 семья переселенцев, значительная часть которых живет скученно, в антисанитарных условиях, не имея элементарных бытовых удобств».<sup>191</sup>

В целом большинство ингерманландцев не проявляли особого стремления к обустройству на новом месте и думали только о том, чтобы при первом удобном случае вернуться в Ингерманландию. Начальник переселенческого отдела Новгородской области В.А. Степанов в мае 1945 г. сообщал, что по области в

---

<sup>188</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 196.

<sup>189</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 184, 185.

<sup>190</sup> Там же. Л. 191.

<sup>191</sup> Там же. Л. 98.

колхозы вступило не более 25% репатриантов: «Репатриированные из Финляндии граждане не оставляют надежды выехать на прежнее место жительства в районы Ленинградской области, где у многих из них сохранились постройки и имущество. Этим объясняют они не вступление в колхозы и неиспользование права на получение ссуд».<sup>192</sup> О том же писал и начальник переселенческого отдела Псковской области Н.К. Клеопин: «...Несмотря на все принятые меры, переселенцы явно не желают строиться, ссылаясь на то, что у них в Ленинградской области имеются собственные дома, и, поэтому, принимают меры, чтобы выехать к местам прежнего жительства».<sup>193</sup> Заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал Голубев 10 июля 1945 г. сообщал А.Н. Косыгину о том, что за последнее время в управление поступает большое количество заявлений от ингерманландских семей с просьбой разрешить им возвратиться к местам прежнего жительства, где у них сохранились дома и хозяйства, и просил дать указания облисполкомам по этому вопросу.<sup>194</sup> В связи с этим 23 июля заместитель народного комиссара внутренних дел генерал-полковник Чернышев писал Косыгину: «Из писем трудящихся, переживших немецкую оккупацию в районах Ленинградской области, видно, что проживавшие там ингерманландцы активно помогали немцам в чинимых ими зверствах над русским населением этих районов. При наступлении Красной армии многие ингерманландцы добровольно выехали в Финляндию. В связи с вышеизложенным НКВД СССР считает нецелесообразным разрешить переезд ингерманландцам из областей, куда они были вселены, в Ленинградскую область и Прибалтийские республики, за исключением семей военнослужащих — участников Отечественной войны».<sup>195</sup> В соответствующем духе и было принято правительственное решение: 19 сентября 1945 г. СНК СССР принял постановление № 13925, в котором областным исполкомам позволялось выдавать принудительно поселенным лицам разрешения на выезд из области к местам прежнего жительства для воссоединения семей, однако на ингерманландцев это разрешение не распространялось (за исключением членов семей военнослужащих — участников войны), к тому же Ленинград и районы пограничной зоны остава-

---

<sup>192</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

<sup>193</sup> ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 125. Л. 55.

<sup>194</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.

<sup>195</sup> Там же. Л. 76.

лись закрытыми для въезда.<sup>196</sup> В паспортах ингерманландских репатриантов была проставлена «статья 38», при наличии которой запрещалось селиться в приграничных районах, закрывался доступ к занятию ряда должностей и к поступлению в высшие учебные заведения.<sup>197</sup>

Не получая от властей разрешения на возвращение в Ленинградскую область, ингерманландские семьи начали выезжать туда по собственной инициативе. Случаи самовольного возвращения ингерманландцев в родные места приобретали все более массовый характер. В это же время в Ленинградскую область стали перебираться и финны, высланные на восток в 1941–1942 гг. По данным областного управления МВД, в октябре 1946 г. на территории Ленинградской области проживало 6524 финна, а в феврале 1947 г. — до десяти тысяч, в том числе 4213 репатрианта из Финляндии. Последние были прописаны в области с ведома председателя исполкома областного Совета Н. В. Соловьева.<sup>198</sup> Один из пунктов секретного указа Ленинградского облисполкома и областного управления НКВД райисполкомам о порядке въезда в Ленинградскую область и прописки на ее территории гласил: «Семьи ингерманландцев — участников и инвалидов Отечественной войны, возвращающиеся к месту своего постоянного жительства [прописываются] по предъявлению документов, удостоверяющих личность, при отсутствии компрометирующих материалов».<sup>199</sup> Семьи репатриантов, представившие такие документы, и смогли получить прописку на законных основаниях. Тех, кто пытался вернуться в Ленинградскую область нелегально, было, вероятно, еще больше. К примеру, из Псковской области к началу 1947 г. выбыло 1449 семей ингерманландских репатриантов, из них лишь 143 — с разрешения областного исполкома, остальные 1306 — самовольно.<sup>200</sup> Из Ярославской области в 1945–1946 гг. 1704 семьи репатриантов выехали в Ленинградскую область с разрешения местных властей, а 2740 — самовольно.<sup>201</sup> Из Великолукской области за зиму 1945–1946 гг. самовольно выехали 307 семей.<sup>202</sup> Из 2952 семей, выбывших из

---

<sup>196</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. Л. 196.

<sup>197</sup> Gelb M. Op. cit. P. 253.

<sup>198</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 156. Л. 1 об., 3, 4.

<sup>199</sup> Там же. Д. 126. Л. 28.

<sup>200</sup> ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 125. Л. 55.

<sup>201</sup> ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 187. Л. 23–24.

<sup>202</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 611. Л. 135.

Новгородской области до июня 1947 г., 612 семей получили разрешение на выезд, 2340 уехали самовольно.<sup>203</sup> В Калининской области в 1947 г. разрешение от исполкомов на выезд к месту прежнего жительства получили 76 семей (228 человек), самовольно выехали 816 семей (3252 человека).<sup>204</sup>

В конце декабря 1945 г. Соловьев сообщал тогдашнему председателю СНК РСФСР А.Н. Косыгину: «...Согласно указанию Совнаркома, семьи военнослужащих мы прописываем. В отношении остальных, приехавших самовольно, принимаем меры к возвращению их обратно».<sup>205</sup> Однако уследить удавалось не за всеми. В мае 1947 г. финское население Ленинградской области насчитывало, по данным областного управления МВД, уже 13 958 человек.<sup>206</sup> В частности, в Кингисеппском районе проживали 2410 финнов (из них 757 человек, оставшихся на оккупированной территории в течение всего периода военных действий, 1261 возвращенцев из Финляндии, 27 — из Германии и других стран), в Волосовском — 2051 (из них 232 человека оставались на оккупированной территории, 517 проживали «законно»), в Ораниенбаумском — 539; в Гатчинском районе насчитывалось 1576 ингерманландских семей, в том числе 1083 семей репатриантов из Финляндии, 189 оставшихся на оккупированной территории, 78 принудительно эвакуированных в тыловые области.<sup>207</sup>

Ингерманландские финны, вернувшиеся в родные места, нередко были вынуждены скрывать свою национальность, так как к финнам, независимо от их гражданства, относились с предубеждением как к бывшим врагам. Один из возвратившихся в Ленинградскую область в конце 1940-х гг. позднее вспоминал: «Они [русские], похоже, недолюбливали нас. Когда мы с братом были на станции Токсово, мы не могли разговаривать по-фински. Как только русские слышали, как кто-то говорит по-фински, они сообщали в милицию, и финнов забирали в отделение. Если кому-то до этого уже давали 24 часа [на выезд], того сажали на год в тюрьму. Можете представить себе, каково нам было видеть, как русские преспокойно ходили туда и сюда, мы же не могли себе этого позволить, хотя мы

---

<sup>203</sup> Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 63.

<sup>204</sup> ГАТО. Ф. Р-2275. Оп. 1. Д. 94. Л. 5.

<sup>205</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 1. Л. 48.

<sup>206</sup> Там же. Оп. 53. Д. 156. Л. 12.

<sup>207</sup> Там же. Оп. 44. Д. 35. Л. 51, 57–58, 60, 63.



родились здесь».<sup>208</sup> Нередко кто-то один приезжал первым, чтобы ознакомиться с ситуацией, затем за ним следовали другие родственники или знакомые. Вернуться в собственные дома удавалось далеко не всем, так как во многих из них жили новые хозяева. Многим приходилось снимать жилье и перебираться с места на место.<sup>209</sup>

Власти были обеспокоены таким ходом событий. Соловьев в упоминавшемся письме Косыгину сообщал, что «в районах области насчитывается около 1500 домов и других построек, принадлежащих населению ингерманландского происхождения» и просил отдать распоряжение о продаже недвижимого имущества ингерманландцев с целью воспрепятствовать новым возвращением.<sup>210</sup> 19 марта 1946 г. заместителю начальника Переселенческого управления при СНК РСФСР Д.П. Быченко было направлено письмо за подписью заместителя председателя исполкома Ленинградского областного Совета М.И. Сафонова: «Исполком областного Совета обращает Ваше внимание, что за последнее время особенно участились случаи, когда районные отделения милиции Великолукской, Омской, Ярославской и других областей, а также Красноярского и Краснодарского краев бывших жителей Ленинградской области финской и немецкой национальностей, находящихся в спецэвакуации, или возвратившихся через территорию Финляндии ингерманландцев, самовольно, без согласия с нашей стороны, направляют к месту своего прежнего жительства. Такие действия органов милиции и переселенческих отделов вышеуказанных областей нарушают распоряжение СНК СССР № 13925 от 19 сентября 1945 г. Исполком Ленинградского областного Совета просит Ваших указаний о прекращении подобной практики и дополнительных разъяснений на местах по возврату ингерманландцев, а также бывших жителей Ленинградской области, находившихся в спецэвакуации».<sup>211</sup> 13 февраля 1947 г. первый секретарь Ленинградского обкома партии П.С. Попков в докладе «О неправильном заселении ингерманландцами районов Ленинградской области» обрушился с нападками на некоторых секретарей парткомов за

---

<sup>208</sup> Teinonen M. The present as a mirror of the past. What it means to be an Ingrian-Finn in Northwest Russia today // *Ingrians and Neighbours*. P. 101.

<sup>209</sup> *Ibid.* P. 101–102.

<sup>210</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 1. Л. 48.

<sup>211</sup> Бугай Н.Ф. Ингерманландцы... С. 126.

непонимание «личного указания тов. Сталина ингерманландцев вокруг Ленинграда не селить».<sup>212</sup>

Попустительство краевых и областных властей по отношению к выездам ингерманландцев в Ленинградскую область было связано также с тем, что они не имели четких установок относительно того, касаются ли запреты на выезд всех проживавших в данной области ингерманландцев или только тех, которые находились на положении спецпоселенцев. Неразбериха приводила к тому, что в одних случаях, как, к примеру, в Ярославской области, районные исполкомы и отделения МВД с легкостью выдавали ингерманландским семьям документы на выезд, в других, наоборот, вели себя слишком жестко: в Калининской области, в частности, областное управление МВД отказывало русским семьям в пропусках на въезд в Ленинградскую область, требуя предоставления документов об участии членов семьи в войне.<sup>213</sup> Начальник переселенческого отдела Красноярского края Г. Бегунцов обратился 7 июля 1946 г. с соответствующим запросом в Переселенческое управление. Ответ Д.П. Быченко от 18 июля гласил: «Эвакуированные из Ленинградской области граждане немецкой и финской национальности в порядке паспортного режима в Ленинградской области не прописываются, хотя бы и не проживали в спецпоселениях». Исключение делалось только для членов семей участников войны и тех семей, главами которых были этнические русские.<sup>214</sup> Однако и после этого выезды в Ленинградскую область финнов и немцев, отправленных в 1941–1942 гг. в спецэвакуацию, не прекратились, о чем свидетельствует письмо переселенческого отдела Ленинградской области в адрес Переселенческого управления, датированное 20 августа 1946 г. Это письмо почти в точности повторяет цитированное выше послание М.И. Сафонова. В частности, говорилось в письме, 16 финских семей прибыли в конце июня из Тюменской области, восемь финнов приехали 24 июля из Красноярского края и т. д.<sup>215</sup>

О возвращении в Ленинградскую область лиц, эвакуированных в принудительном порядке, из Новосибирской и Омской областей говорилось и в письме переселенческого отдела

---

<sup>212</sup> Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 262.

<sup>213</sup> ГАРФ. Ф.327. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 31.

<sup>214</sup> Бугай Н.Ф. Ингерманландцы... С. 127.

<sup>215</sup> Трагедия ингерманландцев в документах // Обозреватель. 1994. № 19/20. С. 170.

Ленинградской области в Переселенческое управление от 21 мая 1947 г.<sup>216</sup> Переселенческое управление 2 октября 1946 г. предложило начальникам переселенческих отделов краев и областей «немедленно прекратить посылку к местам прежнего жительства граждан, находящихся в спецэвакуации», а в декабре того же года А.В. Гриценко разъяснял председателю Ленинградского облисполкома И.С. Харитонову, сменившему на этом посту Н.В. Соловьева, что «возвращение в Ленинградскую область разрешено лишь русским, карельским, эстонским и другим гражданам (не ингерманландцам), а также ингерманландским семьям военнослужащих — участников Отечественной войны».<sup>217</sup> В другом письме, датированном 25 января 1947 г., Гриценко предлагал Харитонову «произвести учет оставшихся в Ленинградской области домов и надворных построек, принадлежащих ингерманландцам, проживавшим ранее в Ленинградской области, определить стоимость этих домов и представить Совету Министров РСФСР к 1 марта 1947 г. предложения о порядке продажи построек и возмещения их стоимости владельцам».<sup>218</sup>

Вопрос о том, что делать с теми, кто уже вернулся, был решен не сразу. В течение 1946 г. органы внутренних дел удалили из Ленинградской области более 4400 финнов. Начальник областного управления МВД генерал И. Шикторов считал, однако, подобные действия неправомерными, так как эвакуированные граждане финской национальности, кроме пяти с небольшим тысяч человек, не имели ограничений по прописке. В августе 1946 г. Шикторов обратился за разъяснениями в МВД, которое ответило, что лиц этой категории можно удалять из области в том случае, если на них имеются компрометирующие материалы. В ответ на вторичный запрос, в декабре того же года, министерство сообщило, что выселение финских реэмигрантов временно приостанавливается, так как на повестке дня стоит вопрос о переселении всех финнов в Карело-Финскую ССР.<sup>219</sup> Наконец, 7 мая 1947 г. появилось постановление Совета Министров СССР № 5211/рс, которым запрещалось проживание в Ленинградской области ингерманландцам и другим лицам финской национальности, «удаленным из Ленинграда и Ленинградской области во время Отечественной войны в порядке прину-

---

<sup>216</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

<sup>217</sup> Трагедия ингерманландцев в документах. С. 170.

<sup>218</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

<sup>219</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 156. Л. 2.

дительной эвакуации» и репатриированным из Финляндии.<sup>220</sup> В соответствии с этим постановлением исполком Леноблсовета 13 мая принял решение № 9/сс «Об удалении из Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев». Исключение делалось лишь для участников войны, имевших правительственные награды, и членов их семей. Остальных органам внутренних дел следовало в двухмесячный срок удалить в места прежнего расселения, с выдачей паспортов «с ограничением проживания в режимных местностях первой категории». Кроме того, было решено создать комиссию «для разработки вопроса о переселении в Ленинградскую область коллективных хозяйств из других областей РСФСР».<sup>221</sup>

На основании постановления Совмина и решения облисполкома власти Ленинградской области принялись вновь выселять из пределов области возвратившихся ингерманландцев. Для руководства работой по выселению была организована комиссия под руководством М.И. Сафонова, в состав которой вошли начальник областного управления МВД (И. Шикторов), председатель обкома ВКП(б), начальники областных управления милиции, прокуратуры и военкомата. В районах области создавались районные комиссии в составе председателя исполкома райсовета, районного военного комиссара и начальника районного отделения МВД.<sup>222</sup> Сохранилась докладная записка генерала И. Шикторова И.С. Харитонову о результатах проведенной операции, датированная ноябрем 1947 г. Согласно приведенным в ней данным, в соответствии с упомянутыми распоряжениями из пределов Ленинградской области было выселено 6493 человека (6256 — из районов области, 237 — из Ленинграда). Кроме того, 28 июля 1947 вышло распоряжение Совета Министров СССР за № 100007/сс о выселении из Ленинградской области также и тех лиц ингерманландского происхождения, которые оставались на оккупированной территории Ленинградской области в течение всего периода оккупации, а 6 августа появился соответствующий приказ МВД СССР. В соответствии с этими решениями из Ленинградской области были удалены 406 человек (из 1061 лица данной категории). Всего, таким образом, в 1947 г. из города и области было выселено 6899 ингерманландцев.

---

<sup>220</sup> Бугай Н.Ф. Ингерманландцы... С. 127.

<sup>221</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 156. Л. 10–11.

<sup>222</sup> Там же. Д. 148. Л. 63.

Разрешение на дальнейшее проживание на территории области получили 6189 человек (в том числе 2940 человек — участники войны, имеющие правительственные награды, и члены их семей, 1066 — члены семей военнослужащих, погибших на фронте, 360 — трудармейцы, имеющие правительственные награды, и члены их семей, 343 — члены и кандидаты в члены ВКП(б) и члены их семей, 1205 — члены семей, главами которых были этнические русские, 275 — нетрудоспособные, не имеющие родственников). Кроме того, из числа выселенных 82 лицам было дано разрешение вернуться (по распоряжению МВД и по протестам Ленинградской областной прокуратуры в отношении членов семей без вести пропавших на фронте).<sup>223</sup> Из оставленных в пределах области ингерманландцев 520 человек проживали в Ленинграде, остальные — в районах области.<sup>224</sup> При этом бюро обкома ВКП(б), фактически игнорируя распоряжение СМ РСФСР от 7 мая 1947 г., своим постановлением «О фактах массовой прописки в районах области населения финской национальности» запретило областному управлению милиции прописку ингерманландцев — участников войны и членов их семей без санкции в каждом отдельном случае исполкома Леноблсовета. В результате 250 семей из этой категории не были прописаны. Секретарь обкома партии В. М. Андрианов отменил упомянутое постановление по ходатайству И. Шикторова 31 мая 1949 г.<sup>225</sup>

29 мая 1947 г. Совет Министров РСФСР принял постановление за № 406-9с «О хозяйственном устройстве ингерманландцев в Великолукской, Калининской, Новгородской, Псковской и Ярославской областях», целью которого было предотвратить новые самовольные выезды репатриантов. На основании этого постановления Переселенческое управление 3 июня издало приказ, в котором местным властям предписывалось осуществить следующие меры: прием репатриантов в колхозы, передачу каждой семье вступающих в колхозы жилого дома и хозяйственных построек и оказание помощи в ремонте, наделение таких семей

---

<sup>223</sup> Там же. Д. 150. Л. 227–228.

<sup>224</sup> В том числе в районах: Кингисеппском — 1919 человек, Гатчинском — 1374, Волосовском — 693, Красносельском — 334, Парголовском — 234, Павловском — 215, Ораниенбаумском — 201, Всеволожском — 111, Тосненском — 110, Мгинском — 95, в пяти районах бывшей финской части Карельского перешейка — 153 (Там же. Л. 228).

<sup>225</sup> Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 265.

приусадебными участками, предоставление нуждающимся кредитов, помощь в обзаведении скотом.<sup>226</sup> Указанные меры проводились в жизнь, однако, недостаточно активно. Д.П. Быченко в письме начальникам областных переселенческих отделов от 11 октября 1947 г. констатировал: «Результаты проверки выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 29 мая 1947 года показали, что необходимых мер к закреплению семей ингерманландцев не принято. Значительная часть из них не вступила в колхозы, многие живут у старожилов в порядке уплотнения, а отдельных домов им не предоставлено. Не оказывается достаточной помощи ингерманландцам в ремонте домов, в строительстве новых домов, хозяйственных построек, а также в приобретении скота и птицы».<sup>227</sup> Проблема состояла, впрочем, не столько в бездеятельности местных властей, сколько в том, что большинство самих репатриантов по-прежнему не желало принимать помощь и устраивать свою жизнь на новом месте, все еще надеясь выехать на родину.

Одновременно была активизирована вербовка в Ленинградскую область переселенцев из внутренних областей России, которых селили не только в отторгнутой у Финляндии части Карельского перешейка, но и в ингерманландских районах. В 1945–1947 гг. семьи, завербованные во внутренних областях, поселяли в основном на Перешейке. 27 января 1948 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 155 «О переселении колхозников в колхозы пригородных районов Ленинградской области», которым предполагалось переселить на территорию десяти пригородных районов области 1550 семей колхозников из Владимирской, Рязанской, Калининской, Горьковской и Ярославской областей.<sup>228</sup> Соответствующий приказ по Переселенческому управлению при Совете Министров РСФСР был принят 7 февраля того же года.<sup>229</sup> Переселенцы должны были заселить оставшиеся без хозяев ингерманландские дома и заняться возделыванием полей, которые некому было обрабатывать. До конца мая 1948 г. в Ленинградскую область прибыло 25 эшелонов с переселенцами, общая численность которых составила 11 693 человека (2185 семей). Из них 8198 человек, или 1429 семей, были поселены в Ингерманландии, остальные — на

---

<sup>226</sup> ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 8. Л. 9–10.

<sup>227</sup> Там же. Л. 29.

<sup>228</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 25. Л. 8.

<sup>229</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.

Карельском перешейке.<sup>230</sup> Из одной только Ярославской области в пригородные районы Ленинградской области в 1948 г. были отправлены 477 семей — 2380 человек.<sup>231</sup> Переселенческое управление планировало в 1949 г. переселить в Ленинградскую область еще 1500 семей, из них 369 предполагалось разместить в пригородных районах.<sup>232</sup> В Ленинградской области с начала заселения было организовано 262 новых переселенческих колхоза, которым было отведено 256 000 гектар земли, в том числе 61 400 гектар пашни.<sup>233</sup> Переселенческая политика имела, однако, относительный успех. Далеко не все новые жители области закрепились на новом месте, нередкими были случаи, когда семьи поселенцев стремились выехать в места прежнего проживания. В приказе Переселенческого управления от 25 августа 1948 г. Ленинградская область названа в числе областей, в которых работа по закреплению переселенцев проводится особенно неудовлетворительно: «Проверкой вскрыто, что в указанных областях и краях многие правления колхозов и районные исполнительные комитеты не только не ведут работу по улучшению хозяйственного устройства переселенцев..., но имеют место факты попустительства и прямого содействия обратным выездам переселенцев».<sup>234</sup> В результате многие деревни по обе стороны от бывшей советско-финляндской границы так и остались незаселенными.

В то же время водворить репатриантов из Финляндии в места принудительного расселения не удавалось: по данным областных исполкомов, из 11 354 ингерманландских семей, выехавших из областей, где они были поселены, лишь 26 семей вернулись обратно.<sup>235</sup> В Новгородской и Псковской областях к декабрю 1947 г., по данным местных переселенческих отделов, осталось соответственно 448 и 782 ингерманландцев.<sup>236</sup> В Калининской

---

<sup>230</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 25. Л. 88.

<sup>231</sup> ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 187. Л. 78.

<sup>232</sup> ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 25. Л. 93.

<sup>233</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 46. Л. 25

<sup>234</sup> Там же. Д. 29. Л. 131.

<sup>235</sup> Бугай Н.Ф. Ингерманландцы... С. 128.

<sup>236</sup> ГАНО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 7. Л. 274; ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 2. Д. 8. Л. 43. К августу 1948 г. число ингерманландцев в Псковской области увеличилось до 1550 человек (ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–36) и в дальнейшем продолжало увеличиваться, так как в этой области оседали некоторые из ингерманландцев, выселенных из прибалтийских республик.

области к началу 1948 г. осталось 479 ингерманландских семей (в 1948 г., впрочем, прибыло еще 310 семей).<sup>237</sup> Число ингерманландских семей, проживавших в Ярославской области сократилось с 5109 в январе 1946 до 432 в ноябре 1948 г., а к ноябрю 1949 г. — до 358.<sup>238</sup> Ингерманландцы, повторно выдворенные из родных мест, устремились в Эстонию, некоторые также в Латвию. Выбор ингерманландцами Эстонии в качестве места поселения был связан с рядом факторов, среди которых можно назвать более благоприятную экономическую ситуацию в этой республике, территориальную близость к Ингрии, этническое и религиозное родство между эстонцами и финнами, надежда на более благоприятное отношение со стороны местного населения (в России слово «финн» нередко ассоциировалось с понятием «враг», «фашист»), в ряде случаев также играло свою роль наличие родственников или знакомых (из числа тех, кто осел в Эстонии в начале 1940-х гг.). Как правило, ингерманландцы, приезжая в Эстонию, поначалу нанимались в работники на одну из ферм, затем некоторые перебирались в более крупные центры. Отношения с местным населением складывались неодинаково: для одних опыт был скорее положительным, однако в некоторых случаях хозяева ферм, пользуясь бесправным положением переселенцев, нещадно их эксплуатировали, уплачивая нищенское жалование.<sup>239</sup>

Проживанию ингерманландцев в Эстонии поначалу не чинилось серьезных препятствий. Однако в декабре 1947 г. заместитель председателя Совета Министров РСФСР А. В. Гриценко обратился к министру внутренних дел СССР С. Круглову с просьбой отдать распоряжение органам милиции Эстонской и Латвийской ССР о выселении ингерманландцев также и из прибалтийских республик.<sup>240</sup> Соответствующий приказ по милицескому ведомству был издан, но исполнялся он плохо: власти Эстонской ССР сквозь пальцы смотрели на осевших в республике ингерманландцев. Имели место, впрочем, и высылки этнических финнов и из этой республики, так что их житье в Эстонии в первые годы отнюдь не было спокойным. Один из ингерманландцев, поселившихся в Эстонии, рассказывал, как ему и его товарищам приходилось убегать из деревни, в кото-

---

<sup>237</sup> ГАТО. Ф. Р-2275. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

<sup>238</sup> ГАЯО. Ф. Р-3335. Оп. 1. Д. 187. Л. 98, 108.

<sup>239</sup> Апераю Т. Ор. cit. Р. 166.

<sup>240</sup> ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 26. Л. 97.



рой они поселились, в лес, когда в деревне начиналась проверка паспортов. В некоторых местах первым жилищем переселенцев были бараки, использовавшиеся ранее для размещения военнопленных, в Нарве ингерманландцы занимали подвалы разрушенных домов.<sup>241</sup> Тем, кто располагал средствами, удавалось за взятки обзавестись паспортом с записью «эстонец» или «русский» в графе «национальность». Другим способом легализации было вступление в брак с этническими эстонцами или русскими. Новая волна ингерманландских поселенцев появилась в Эстонии в середине 1950-х гг., после снятия ограничений по перемещению и прописке. В Эстонии в послевоенные годы образовалась довольно крупная ингерманландская община. Ингерманландцы проживают здесь главным образом в северной и северо-восточной части республики — в исторических областях Вирумаа и Харью, некоторые осели в районе Тарту. Полевые исследования показали, что в Эстонии обосновались в основном выходцы из Центральной и Западной Ингрии, традиционно имевшие контакты с эстонцами, в то время как уроженцев Северной Ингрии здесь крайне мало.<sup>242</sup>

Другим регионом Советского Союза, где в конце 1940-х гг. поселилось значительное количество ингерманландских финнов, стала Карелия. После окончания Великой Отечественной войны в этой малонаселенной и сильно пострадавшей от войны республике настоятельно требовалась дополнительная рабочая сила для восстановления разрушенного войной хозяйства и работы на лесоразработках. Кроме того, первый секретарь компартии Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянов рассчитывал увеличить процент «национального населения» республики, доведя его до 50 %. Куприянов, карел по национальности, видимо, вполне искренне сочувствовал своим ингерманландским братьям по крови и хотел собрать их из того рассеянного состояния, в котором они оказались, и дать им новую родину.<sup>243</sup> Куприя-

---

<sup>241</sup> Аперайо Т. *Op. cit.* P. 164, 166.

<sup>242</sup> *Ibid.* P. 163.

<sup>243</sup> Куприянов почему-то значительно преувеличивал количество ингерманландцев, полагая, что всего их на территории Советского Союза насчитывается до 250 тысяч человек (НАРК. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 5. Л. 197). В действительности, как видно из приводившихся в предыдущих главах данных, даже в середине — второй половине 1920-х гг. численность ингерманландского населения не

нов предпринял первую попытку добиться разрешения на переселение ингерманландцев в Карелию еще в 1944 г., но тогда она не имела успеха: О.В. Куусинен отверг его просьбу походатайствовать перед Сталиным по этому вопросу.<sup>244</sup> В 1946 г., как уже упоминалось, вопрос о переселении рассматривался вторично, но, видимо, столь же безрезультатно. В 1948 г. Куприянов снова вернулся к вопросу о переселении ингерманландцев в Карелию и направил соответствующее ходатайство И.В. Сталину. В адрес карельских властей приходили многочисленные заявления от ингерманландцев, проживавших в Европейской части страны и в Сибири с просьбами разрешить им переезд в Карело-Финскую ССР. Некоторые из них даже сумели приехать.<sup>245</sup> В октябре 1948 г. Сталин дал, наконец, свое принципиальное согласие на проведение переселенческой акции.<sup>246</sup>

11 февраля 1949 г. союзным правительством было утверждено подготовленное специальной комиссией постановление «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР», которое предусматривало переселение в республику на условиях вербовки, для работы в лесной и бумажной промышленности и в колхозах, 25 тысяч семей из разных регионов страны, из которых 10 тысяч должны были приехать в первой половине 1949 г. Документ содержал секретный параграф, разрешавший Совету Министров КФССР «вербовать рабочих-ингерманландцев в местах их временного проживания».<sup>247</sup> На следующий день состоялся пленум ЦК КПКФССР, на котором обсуждалось решение союзного Совмина. Куприянов, выступая на пленуме, заявил о готовности принять в течение года 6300 ингерманландские семьи и 15 тысяч семей других переселенцев.<sup>248</sup> Республиканский Совет Министров 1 марта 1949 г. одобрил программу размещения переселенцев, согласно которой, ингерманландцев следовало поселить в 23 районах республики, главным образом в Прионежском, Кондопожском, Кур-

---

превышала 150 тысяч человек, а к концу 1940-х гг. она сократилась на несколько десятков тысяч человек.

<sup>244</sup> Лайне А. Указ. соч. С. 244.

<sup>245</sup> НАРК. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 5. Л. 199–200.

<sup>246</sup> Там же. Л. 200.

<sup>247</sup> Суни Л.В. Ингерманландские финны. С. 80; Лайне А. Указ. соч. С. 245–246.

<sup>248</sup> Verigin S., Suni L. Inkerinsuomalaisten muutto Karjalaan 1940-luvun lopussa // Carelia. 1993. № 6. S. 147.

кийокском, Медвежьегорском, Олонецком, Пудожском и Сортавальском, и использовать на работе в колхозах, лесных хозяйствах и в деревообрабатывающей промышленности. Город Петрозаводск в качестве предполагаемого места поселения не назывался. Размещение ингерманландских поселенцев в приграничном Сортавальском районе уже после завершения основной стадии переселенческой операции было признано ошибкой, и осенью 1949 г. тех, кто в этом районе успел поселиться, выселили из него.<sup>249</sup>

В апреле 1949 г. первые группы ингерманландских переселенцев начали прибывать в Карелию. Перечень республик и областей, откуда ингерманландцы вербовались для переезда в Карелию, показывает, насколько разбросанной оказалась некогда компактно проживавшая этническая группа: Красноярский край, Вологодская, Иркутская, Калининская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Пермская, Псковская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Ярославская области, Коми и Якутская АССР, Казахская и Эстонская ССР.<sup>250</sup> Согласно сводке республиканского Переселенческого управления от 10 сентября, в Карелию на тот момент прибыли 44 306 человек (14 648 семей), из них 19 398 ингерманландцев (6883 семьи).<sup>251</sup> Процесс переселения продолжался, хотя и в меньших масштабах, до конца года. Всего в Карелию прибыло около 8 тысяч ингерманландских семей, или 21 032 человека. Большая часть приехавших — около 73% — прибыла из Эстонии (8646 человек) и Псковской области (6697 человек), то есть оттуда, куда были вынуждены перебраться ингерманландцы, самовольно вернувшиеся в Ленинградскую область и вторично из нее изгнанные, из других регионов страны, в том числе из Ленинграда, приехали 5689 человек.<sup>252</sup> Куприянов в своих неопубликованных воспоминаниях писал: «Люди ехали к нам очень охотно. Они знали, что помимо работы, они получают возможность читать газеты, слушать радио на своем родном языке, учить детей в школах на их родном языке, выступать на собраниях также на своем языке, развивать свою национальную культуру, чего они не имели в тех областях, где жили до переселения в Карелию».<sup>253</sup> Ингерманландцы, поселившиеся в республике, трудились в разных отраслях хозяй-

---

<sup>249</sup> Нуутиä О. *Op. cit.* S. 112–113.

<sup>250</sup> Куокканен В. *Указ. соч.* С. 61–62.

<sup>251</sup> Нуутиä О. *Op. cit.* S. 112.

<sup>252</sup> НАРК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 1191. Л.31–32

<sup>253</sup> Там же. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 5. Л. 203.

ства: они работали лесорубами, каменщиками, трактористами, шоферами, кузнецами, плотниками, слесарями, портными, садовниками, были среди них и учителя, агрономы и врачи.<sup>254</sup>

Переселение ингерманландских финнов в Карелию планировалось продолжать. В августе 1949 г. карельское республиканское Переселенческое управление сообщило союзному Переселенческому управлению о плане поселения в республике примерно 20 тысяч ингерманландских семей для работы в лесном хозяйстве.<sup>255</sup> Совет Министров и ЦК Компартии КФССР 1 декабря 1949 г. постановили «утвердить на 1950 г. план вербовки и переселения в Карело-Финскую ССР финнов-ингерманландцев в количестве 8 тысяч семей», просить Совет Министров СССР «обязать МВД СССР дать указания во все области и республики, где проживают финны-ингерманландцы, о беспрепятственном разрешении их выезда в Карело-Финскую ССР..., утвердить на 1950 год сметные ассигнования по вербовке и завозу 8 тысяч семей финнов-ингерманландцев в сумме 30 миллионов рублей».<sup>256</sup> Однако этот замысел не удалось осуществить. Сначала возникли финансовые трудности: союзное Министерство финансов отказалось выделить средства, необходимые для проведения переселенческой операции.<sup>257</sup> Затем в марте 1950 г. Куприянов был арестован в связи с «ленинградским делом»; ему вменялось в вину, помимо прочего, и то, что он занимался вредительством и преднамеренно засорял пограничную республику политически враждебными элементами.<sup>258</sup> Снят с должности и арестован был и председатель Верховного Совета республики В. Виролайнен. 20 апреля того же года появилось решение бюро ЦК КПКФССР «О частичном изменении постановления бюро ЦК КП (б) и СМ Карело-Финской ССР от 1 декабря 1949 г.» за подписью нового секретаря ЦК Ю.В. Андропова, которое гласило: «Отменить пункт 2 постановления бюро ЦК КП(б) и СМ Карело-Финской ССР от 1 декабря 1949 г. “О вербовке в республику в 1950 г. 8000 семей ингерманландцев дополнительно к ранее завербованным на работу в лесной

---

<sup>254</sup> Verigin S., Suni L. Op. cit. S. 147.

<sup>255</sup> Нуuttiä O. Op. cit. S. 113.

<sup>256</sup> НАРК. Ф. 3149. Оп. 1. Д. 33. Л. 17–18.

<sup>257</sup> Там же. Д. 35. Л. 78.

<sup>258</sup> Там же. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 5. Л. 203. Г. Н. Куприянов в январе 1952 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 25 годам лишения свободы. Помилован в январе 1956 г.

промышленности”. Дальнейшее организованное переселение ингерманландцев в республику прекратить». Предписывалось также «немедленно прекратить направление ранее переселенных в республику ингерманландцев на работу в пограничные районы республики» и «в трехмесячный срок в порядке внутриведомственной переброски рабочей силы переместить ранее завезенных ингерманландцев из пограничных районов в непограничные районы».<sup>259</sup> В начале 1950-х гг. в Карелию въезжали почти исключительно представители славянских национальностей, особенно много было белорусов (численность белорусского населения Карелии с 1939 по 1959 гг. выросла более чем в 15 раз).

Тех ингерманландцев, которые уже осели в Карелии, выселять из республики все же не стали. Более того, и пункт решения бюро республиканского ЦК от 20 апреля о выселении ингерманландцев из приграничных районов не был полностью выполнен. К примеру, в конце октября 1951 г. республиканское Министерство государственной безопасности производила «проверку засоренности неблагонадежным элементом» пограничного Куркийокского района. Было выявлено, что в этом районе проживали, наряду с некоторым количеством бывших уголовников и «социально чуждых элементов», 108 ингерманландцев. Было принято решение выселить из района, в соответствии с «Положением о паспортизации», всего 12 человек, в том числе четверых ингерманландцев.<sup>260</sup> Остальных, по всей видимости, оставили в покое. В середине — второй половине 1950-х гг., после того, как с ингерманландцев были сняты ограничения по прописке, еще несколько тысяч человек приехали по собственной инициативе. Финны с этого времени стали одной из наиболее многочисленных этнических групп Карелии: согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Карельской АССР проживали 27 829 финнов, по численности они теперь занимали четвертое место после русских (412 773), карел (85 474) и белорусов (71 900).<sup>261</sup> Наибольший процент населения, по данным на 1959 г., финны составляли в Пряжинском районе республики — 14%, по 6,5% населения приходилось на финнов в Кондопожском и Прионежском районах.<sup>262</sup>

---

<sup>259</sup> КГАНИ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 20. Л. 6.

<sup>260</sup> Там же. Д. 21. Л. 4.

<sup>261</sup> Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1962. С. 312.

<sup>262</sup> Кожанов А.А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945—1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 10.